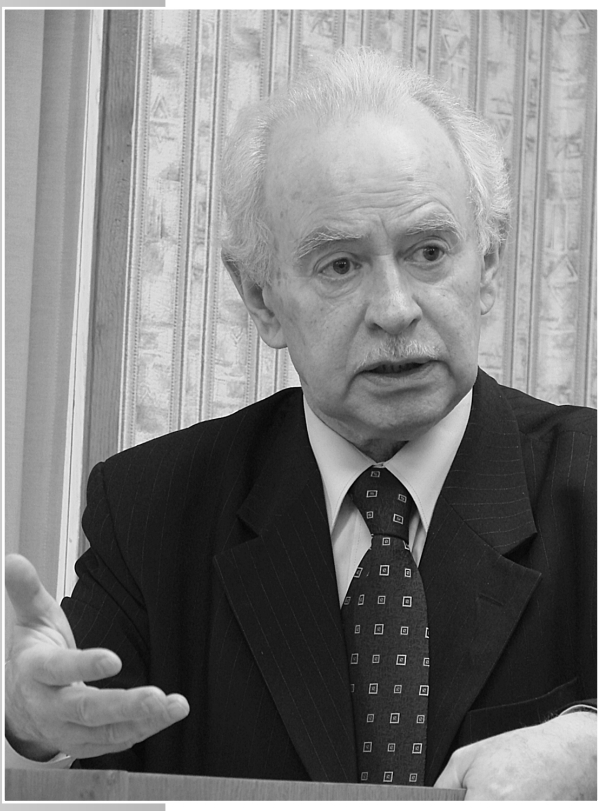
80

80-летию со дня рождения
Ремира Александровича ЛОПАТКИНА

80

РЕМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛОПАТКИН:
к 80-летию со дня рождения

Ремир Александрович Лопаткин родился 9 декабря 1930 г. в г. Москве. Ко времени окончания средней школы у него ясно определилась склонность к гуманитарному образованию, что и привело его на исторический факультет Ивановского государственного педагогического института. Получив диплом, он стал не школьным учителем, а одним из комсомольских лидеров г. Иваново, посвятив работе с молодежью одиннадцать лет. В 1963 г. Р.А. Лопаткин поступает на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС.

Здесь он был в числе первых аспирантов только что созданного в структуре АОН при ЦК КПСС Института научного атеизма, а после успешной защиты кандидатской диссертации оставлен в нем как перспективный молодой ученый. Вся дальнейшая его профессиональная деятельность связана с этим институтом, затем с его преемником — кафедрой государственно-конфессиональных отношений РАГС.

Круг научных интересов Р.А. Лопаткина весьма широк: исследование особенностей современного религиозного сознания, проблем психологии религии, процесса секуляризации, воспитательной роли новых праздников и обрядов, общественного мнения о религии и атеизме, методологические проблемы религиоведческих исследований.

Основной областью научной деятельности Р.А. Лопаткина является социология религии. Будучи в Институте заведующим лабораторией, позднее — отделом социологии религии и атеизма, он являлся одним из руководителей целого ряда социологических исследований в различных регионах СССР, предметом которых были процесс секуляризации в условиях социализма, состояние религиозности, общественное мнение по вопросам религии и атеизма. Он занимался разработкой их теоретико-методологических оснований и программ, созданием инструментария, участвовал в полевых работах, руководил обобщением полученных результатов, подготовкой аналитических докладов и публикаций. В последние годы под его руководством проведен ряд социологических исследований проблем гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в северных регионах страны.

Ремир Александрович известен среди отечественных и зарубежных социологов религии: он выступал с докладами на Всемирных социологических конгрессах в Варне и Мадриде, на многих международных конференциях и симпозиумах, более 25 лет возглавляет Исследовательский комитет социологии религии Советской социологической ассоциации — Российского общества социологов, является почетным членом ССА — РОС.

За время работы на кафедре государственно-конфессиональных отношений проблемно-тематический диапазон научных интересов Р.А. Лопаткина расширился. Предметом его исследований стали, в частности: протестантизм — его история и современные тенденции развития в России; проблемы государственно-конфессиональных отношений; обеспечение светского характера Российского государства и системы образования; религиозная ситуация и методология ее изучения; взаимосвязь межнациональных и межконфессиональных отношений.

Собственно научная работа Р.А. Лопаткина неизменно сочетается с его педагогической деятельностью. Им подготовлено 23 кандидата наук. Ему свойственно умение найти и сформулировать требующую научного поиска проблему, привить аспиранту интерес к самостоятельной, творческой работе, научить владению исследовательскими методами. Входя в проблематику своих подопечных, он во многом реализует и свои творческие замыслы. Его заслуги в работе по подготовке кадров отмечены присвоением звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Результаты научных поисков Р.А. Лопаткина находят практический выход в его просветительской деятельности: выступлениях на всероссийских и региональных конференциях и семинарах, в периодической печати, на радио и телевидении.

И сегодня Р.А. Лопаткин остается «генератором идей», источником инициатив, активным искателем неординарных решений научных и общественно

значимых проблем. Его научная компетентность и добросовестность, доброжелательность и принципиальность снискали ему глубокое уважение коллег по кафедре, многочисленной когорты его учеников, ветеранов религиоведческой науки. Мы сердечно приветствуем Ремира Александровича Лопаткина в связи с его замечательным юбилеем и желаем ему здоровья, многих лет жизни, неиссякаемого жизнелюбия и творческих исканий.

Р.А. Лопаткин — автор более 100 научных публикаций, в том числе монографий, учебников и учебных пособий, нескольких десятков статей в научных сборниках, журналах, энциклопедических и справочных изданиях.

Приводим некоторые из публикаций Р.А. Лопаткина:

монографии

Андрианов Н.П., Лопаткин Р.А., Павлюк В.В. Особенности современного религиозного сознания. М., 1966 (введение и первый раздел «Особенности мировоззрения современных верующих»).

Религия и церковь в современную эпоху. М., 1976 (§ Религиозность в социалистическом обществе).

Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996 (§ Социологическое изучение религиозной ситуации и государственно-церковных отношений).

Проблемы гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в северном регионе / сост. С.Н. Варламова, Г.А. Выдрина, Р.А. Лопаткин, С.П. Малахов; отв. ред. Р.А. Лопаткин. Ханты-Мансийск, 2004.

Лопаткин Р.А., Пинкевич В.К., Гуренкова Т.Д. Этносы и конфессии Сургута: десять лет спустя (Материалы сравнительного социологического исследования проблем гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений: 1995–2005) / под ред. Р.А. Лопаткина, Т.Д. Гуренковой. М.; Сургут, 2007.

учебники и учебные пособия

Вероисповедная политика Российского государства: учебн. пособие. М., 2003 (разделы: Основные понятия. Процессы в религиозной сфере жизни современного российского общества).

Российская цивилизация: учебн. пособие для вузов. М., 2003 (§ Протестантизм в России).

История религий в России: учебник / под. общ. ред. О.Ю. Васильевой, Н.А. Трофимчука. М., 2004 (гл. VI: Протестантизм в России).

разделы и статьи в справочных и энциклопедических изданиях

Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России: справочник. М., 1997 (раздел «Протестантизм»; словарн. статьи: Индифферентизм религиозный, Обряды религиозные, Религиозная ситуация, Религиозность, Религиозные институты (организации), Секта религиозная, Секуляризация, Состояние религиозности, Степень религиозности, Уровень религиозности, Характер религиозност).

Политическая энциклопедия: в 2 т. М., 1999 [статьи: Атеизм, Всемирный Совет Церквей, Отделение церкви (религиозных организаций) от государства, Протестантизм, Свобода совести, Секта религиозная, Экстремизм религиозный].

Социологическая энциклопедия: в 2 т. М., 2003 (статьи: Группа религиозная, Религиозность, Религиозные отношения, Сектантство религиозное, Экстремизм религиозный).

статьи и брошюры

Лопаткин Р.А. Процесс секуляризации в условиях социализма и его социологическое исследование // К обществу, свободному от религии. М., 1970.

Лопаткин Р.А. О результатах социологического исследования в регионах традиционного распространения ислама // Информационный бюллетень Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС. 1988. № 20.

Зуев Ю.П., Кудрина Т.А., Лопаткин Р.А., Овсиенко Ф.Г., Трофимчук Н.А. Актуальные проблемы развития религиоведческого образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях Российской Федерации: аналитический материал // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2001. № 3 (27).

Лопаткин Р.А. О необходимости саморефлексии российского религиоведения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2001. № 3 (27).

Лопаткин Р.А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2001. № 4 (28).

Лопаткин Р.А. Социологическая интерпретация понятия «религиозная ситуация» // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2004. № 1–2 (33–34).

Лопаткин Р.А. Религиозная ситуация в России и место в ней протестантизма // Протестантизм и протестанты в России: прошлое, настоящее и будущее (Мат-лы научно-богословской конференции). Заокский, 2004.

Лопаткин Р.А. Социально-экономический потенциал российского протестантизма // Протестанты в Евразии: гражданское согласие, толерантность и протестантизм (Мат-лы XII международной научно-практической конференции). Вып. II. Заокский, 2005.

Лопаткин Р.А. Реальное пространство межконфессионального диалога в современной России // Межкультурный и межрелигиозный диалог в условиях устойчивого развития: Мат-лы Международной конференции (Москва, 14–15 сентября 2007). М., 2008.

Лопаткин Р.А. Время самопознания // Материалы научно-богословской конференции Российского союза евангельских христиан-баптистов «140 лет российскому баптизму: прошлое, настоящее, перспективы». М., 2008.

Лопаткин Р.А. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения. Ч. 4. М., 2009.

Васильева О.Ю., Зуев Ю.П., Лопаткин Р.А., Шмидт В.В. Кафедра государственно-конфессиональных отношений // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения. Ч. 4. М., 2009.

Интервью с Ремиром Александровичем Лопаткиным, кандидатом философских наук, профессором кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС

Судя по имени, которое Вам дали родители, они были убежденными марксистами-ленинцами, верили в победу мировой революции. Кто они были? Какое оказали влияние на формирование Вашего мировоззрения, отношения к жизни?

– Да, действительно, мои родители были коммунистами, убежденными марксистами и, естественно, атеистами, получившими образование в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Революционная романтика в партии и в обществе в те времена еще не выветрилась, была сильна вера в скорую победу мировой пролетарской революции и торжество идей коммунизма. Это находило выражение, в том числе, и в имятворчестве. Люди, преданные идее коммунизма, хотели и таким способом приблизить новый мир. В мое имя родители вложили смысл «революция мировая». Но я думаю, что у них, помимо революционного энтузиазма, было достаточно вкуса — из очевидного «Ревмир» была изъята буква «в», что сохраняло смысл, но выглядело и воспринималось на слух как обычное имя. У людей, с которыми я знакомлюсь, не возникает сомнений по этому поводу. Иногда спрашивают, что оно означает, а чаще улавливая созвучие с некоторыми восточными именами, какого народа это имя. Кстати, в школьные годы я только однажды встретил девочку с именем Ремира, а, работая в комсомоле, вручал комсомольский билет Ремиру, родившемуся в 1942 г. Это означало, я думаю, что слово отделилось от своего первоначального смысла и стало просто самостоятельным благозвучным именем.

Я не верю в магию имен, но считаю, что собственное имя, воспринимаемое его носителем осознанно, способно задать вектор его жизненного пути. Вспомните: древние славяне, русичи, называя сыновей Волк, Сокол и др., — мечтали о том, что ребенок вырастет похожим по своим качествам на этих представителей животного мира. Да и все или почти все христианские имена в святцах в переводе с древнееврейского, древнегреческого и латинского имеют предметное содержание: Алексей — защитник, Александр — защитник людей, Виктор, Николай — победитель и т.п. И думающий верующий человек, воспринимающий свое имя не просто как звукосочетание, которое отличает его от других людей и на которое он отзывается, читая житие святого, в честь которого ему дано имя, стремится походить на него в жизни, культивировать в себе благородные качества его личности.

Что касается меня, то мое имя во многом определяло мое самосознание. Я всегда гордился им и верил, что служение делу революции и есть мое призвание и долг. С этим и рос. Я любил читать книги о революционерах, в мечтах ставил себя на их место, переживал их подвиги, самоотречение во имя революции. Еще будучи пионером, я точно знал, что, когда вырасту, обязательно буду комсомольцем и коммунистом. И, когда пришло время, глубоко осознанно вступил в ВЛКСМ и в Коммунистическую партию. Желание активно послужить делу коммунизма определило и то, что по окончании педагогического института я пошел на комсомольскую работу, которой посвятил одиннадцать лет жизни.

Родители оказали большое влияние на формирование моего мировоззрения, жизненной позиции, отношения к делу и к людям, за что я им благодарен. Они вложили в меня понятия чести и человеческого достоинства, которыми никогда нельзя поступаться, обостренное чувство справедливости. Причем делали они это не поучениями, а личным примером, рассказами о случаях из своей жизни, обсуждением со мной на равных значимых событий, в том числе политических, каких-то моих жизненных перипетий, а порой и конечных проблем человеческого бытия. Мне, например, было очень важно мнение отца после потрясения, вызванного разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Он помог мне разобраться в смятении мыслей и чувств, которые обуревали меня, как и многих, в тот переломный исторический момент.

Оптимизм моих родителей, их убежденность в правоте дела, которому они служили, вера в торжество справедливости, лидерские качества, которыми оба обладали, даже темперамент горячих спорщиков, — все это оставило след на моем характере и отношении к жизни. Наконец, они оба были педагогами-гуманитариями, преподавали политэкономию и историю партии в различных учебных заведениях. Атмосфера гуманитарных знаний, в которой я рос, подбор книг и журналов в домашней библиотеке, влиявший на круг моего чтения, — все это во многом определило выбор

мною вуза. В 1948 г. я поступил на исторический факультет Ивановского государственного педагогического института и в 1952 г. окончил его.

Ремир Александрович, Вы окончили институт в 1952 г., а в аспирантуру поступили только в 1963-м. Чему был посвящен такой большой отрезок Вашей жизни, связан ли он как-то с будущим выбором научного поприща?

– Еще поступая в вуз на истфак и затем учась в институте, я видел перед собой, как в сказке, распутье, три дороги. Первая — стать учителем истории в школе. Кстати, мой выбор института и факультета тогда многих удивил. Дело в том, что в нашей замечательной 30-й средней мужской школе города Иваново при очень сильном в целом составе учителей была очень слабая учительница истории. Она мало знала, держалась текста учебника, и мы, любопытные, много читавшие, часто запутывали ее своими вопросами; она злилась и нередко мстила нам единицами, подловив на невыученном уроке. Так вот, я говорил, что иду на истфак, чтобы в школе не было таких учителей, как наша «историчка». Вторая дорога — в науку. Она была очень соблазнительна. Мой отец, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой политэкономии Московского пушномехового института, подталкивал меня на этот путь. Он был специалистом по истории аграрного вопроса в России. По заданию Института марксизма-ленинизма он подготовил к печати 40-й том 4-го издания Собрания сочинений В.И. Ленина («Аграрные тетради»), и ему очень хотелось, чтобы я продолжил его дело. Аспирантуры тогда на истфаке в нашем институте, кажется, не было. Была возможность поехать на годичные курсы преподавателей основ марксизма-ленинизма в вузах, но это меня не заинтересовало. И, наконец, третья дорога — общественная деятельность, на том этапе — комсомольская работа.

В школе я был комсоргом класса, в институте — зам. секретаря комсомольского бюро истфака, членом райкома, горкома и обкома ВЛКСМ, активным членом лекторской группы райкома. Комсомольская работа открывала большой простор для творческого самовыражения, и я выбрал этот путь, благо мне его настойчиво предлагали наши комсомольские руководители. Еще во время госэкзаменов меня избрали вторым секретарем Сталинского райкома ВЛКСМ г. Иваново. У меня были прекрасные, мудрые наставники в комсомоле. Они были старше нас на какие-то четыре-пять лет,

Рядовой батальона связи 13 гвардейского Кенигсбергского стрелкового корпуса Р.А. Лопаткин, 1953 г.

но почти все прошли фронт, значит, были старше *на целую войну*. Я всех их вспоминаю с глубокой благодарностью.

Через полгода я был призван на действительную службу в рядах Советской армии. Прослужил солдатом, младшим сержантом два года и, конечно, все два года был секретарем комсомольского бюро своей части. Армия дала мне очень много, при том, что имел высшее образование. Это была школа дисциплины, умения подчиняться, серьезных испытаний во время полевых учений и настоящей мужской дружбы.

После демобилизации я вернулся в свой райком, где меня сразу избрали первым секретарем. Это была самая большая организация в Ивановской области — 16 тыс. комсомольцев. Скучать не приходилось. Организация и налаживание работы бригад содействия милиции, проведение молодежных и детских праздников, фестивалей, конкурсов, спортивных соревнований, вовлечение молодежи на предприятиях в социалистическое соревнование,

На Октябрьской демонстрации 1956 г.
Слева направо: С. Хохунов — первый секретарь Ивановского обкома ВЛКСМ, Р. Лопаткин — первый секретарь Сталинского райкома ВЛКСМ, А. Титов — секретарь Ивановского обкома ВЛКСМ

в движение рационализаторов и изобретателей. На это время выпали подготовка к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве, участие в нем, отбор комсомольцев-добровольцев на освоение целины и строительство шахт в Кузбассе. Наш райком отобрал 130 юношей и девушек, которым предстояло основать в Акмолинской области Казахстана совхоз «Ивановский». Я сопровождал их до места будущего совхоза, жил с ними там три недели, помогая в налаживании новой жизни. Потом меня избрали секретарем Ивановского обкома комсомола, затем стал редактором областной молодежной газеты. Это тоже были очень интересные, насыщенные отрезки моей жизни. Но постепенно стало приходить ощущение, что надо приостановить бег и заняться более фундаментальным делом, тем более что хотелось разобраться во многих проблемах нашего общественного устройства, в тех нестыковках теории и практики, которые становились все более очевидными. И тогда я вернулся к мыслям о науке, благо представилась возможность поехать учиться в Академию общественных наук при ЦК КПСС, в аспирантуру которой по кафедре философии я поступил в 1963 г. Здесь по совету научного руководителя Павла Константиновича Курочкина я занялся проблемами современного религиозного сознания. С созданием в 1964 г. в структуре АОН Института научного атеизма, нас, шестерых аспирантов, работавших над темами религии, перевели в аспирантуру этого института.

Когда и в связи с чем у Вас возникло осознанное отношение к религии? Какой характер оно носило? Довелось ли заниматься атеистической работой, и, если да, то что Вас к ней подвигло?

– Я вырос в нерелигиозной семье, где никогда не возникали разговоры о религии. Таковой же в общем была и окружающая меня среда. Религия в ней как бы не существовала. Думаю, что так могло бы сказать большинство моих сверстников, городских мальчишек и девчонок. Речи о религии практически не было и в школе. Уже много позднее, изучая историю религии и атеизма в СССР, я узнал, что в 20–30-х гг. шла острая дискуссия о том, каким должно было быть образование и воспитание в советской школе: *антирелигиозным*, т.е. направленным на непримиримую борьбу с религией, или *безрелигиозным*, сторонники которого считали, что не надо ничего говорить детям о религии, не следует привлекать их внимания к этой проблеме, поскольку обучение, основанное на науке, само сформирует у учащихся научное мировоззрение и вытеснит религиозные пережитки. Сторонников этой позиции обвиняли в оппортунизме. Формально тогда при поддержке Агитпропа ЦК ВКП(б) победили приверженцы идеи антирелигиозной школы. Сейчас, вспоминая школьные годы, я могу с уверенностью сказать, что на деле наша школа была именно безрелигиозной. Не припомню ни одного факта каких-то специальных разговоров с нами о религии и Церкви. Ни на уроках, ни на внеклассных мероприятиях никакой критики религии мы не слышали. Школа давала научные знания об окружающем мире, и мы вырастали материалистами, может быть, не атеистами в полном смысле слова, но людьми нерелигиозными. Можно рассуждать о том, насколько этот материализм был научно фундирован и осмыслен, или он был, скорее, стихийным, порою даже вуль-

гарным, но, повторюсь, религии для нас и вокруг нас как бы не было вовсе. А у кого в семьях были верующие не только бабушки, но и родители, — это было их дело.

Что мы знали о религии в школьный период? Читали пушкинскую «Сказку о попе и работнике его Балде», из которой узнали, что были когда-то такие глупые и жадные люди, как этот поп. Кстати, позднее я заинтересовался образом попа в русском фольклоре и не нашел ни одного примера из сказок, пословиц, поговорок, где поп был бы положительным персонажем. Везде он предстает как жадный, похотливый («жеребячья порода») и глупый персонаж, над которым народ насмехается.

При изучении отечественной истории мы узнавали о том, что при князе Владимире на Руси было принято христианство, с интересом читали мифы о древнегреческих богах и героях, но это были сказки. Из курса истории Средних веков мы узнали о крестовых походах и об инквизиции, которая мучила Галилея и сожгла Джордано Бруно. Но это не имело никакого отношения к нашей жизни. Наконец, уже в старших классах мы узнали о провокаторе попе Гапоне и о священнике, который в «Разгроме» А. Фадеева был заодно с белогвардейцами. Обо всем этом мы прочитали, эти факты не акцентировались учителями.

Вот и весь багаж знаний о религии школьников моего поколения. Эти сведения были скудны, далеки от реальной жизни, не вызывали ни интереса, ни каких-либо эмоций. Согласитесь, этого было мало для того, чтобы сформировать какое-то осознанное (в любую сторону) отношение к религии.

На истфаке вуза во всех курсах исторического и философского плана религии и Церкви уделялось соответствующее внимание, но это опять-таки «не сейчас и не у нас», а где-то, в прошлом или за рубежом, в буржуазном обществе. Из курсов основ марксизма-ленинизма и марксистско-ленинской философии узнали мы и о «вздохе угнетенной твари», и о фидеизме, и о реакционной роли религии как формы буржуазной идеологии. Но все это были абстракции.

И вот однажды произошла моя первая встреча с реальной религией, во многом пробудившая во мне интерес к этому предмету. Дело было так. Однажды ко мне в райком комсомола пришел майор из ведомства, которое у нас в городе называли «Серый дом» (по его окраске). Он сообщил мне, что в городе действует секта баптистов и что в нее попала комсомолка. Я, конечно, что-то слышал о «зловредных сектантах», которые «улавливают души» слабых людей и калечат их судьбы, и поэтому жутко вознегодовал, сказал, что разберусь с этим вопиющим случаем. Я встретился с этой девушкой и сразу пошел в атаку: «Как тебе не стыдно, ты позоришь комсомол! И вообще, как ты, образованная девушка, можешь верить во всю эту чушь!». А она мне: «Комсомол я не позорю, я больше не комсомолка. А о нашей вере вы так плохо говорите потому, что ее не знаете». Я ей: «Вы Галилея мучили, Джордано Бруно сожгли!». А она смеется: «Это не мы, это Католическая Церковь». Я ей про научные данные о происхождении мира, про Дарвина, про то, как мы реки перекрываем и коммунизм строим, а она мне — цитаты из Библии. А я этой самой Библии в руках не держал, в глаза не видел, и крыть мне было нечем.

Вот так первая встреча с религиозной проблемой в жизни закончилась ничем, а, скорее, моим поражением, но, надо сказать, очень полезным для меня. Во-первых, я не из тех, кто отступает. Во-вторых, я сделал для себя честный вывод, что ничего не знаю об этом предмете, не готов аргументированно отстаивать свою позицию, а тем более убеждать другого человека. Значит, надо прежде всего найти Библию, почитать ее, а также и антирелигиозную литературу. Сказано — сделано. Библией меня снабдил все тот же майор, из антирелигиозной литературы попалась «Библия для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского и еще что-то. Надо сказать, что поначалу чтение Библии оказалось труднее, чем я по своему незнанию предполагал.

При следующих встречах с девушкой разговоры были уже более предметными, со стремлением понять друг друга. Постепенно они превратились в разговоры «за жизнь», ибо я сделал для себя и третий, может быть, самый главный вывод: надо понять, что привело девушку в баптистскую общину, почему она променяла комсомол на «секту». Оказалось, что у нее сложная жизненная ситуация (бросил муж, проблемы с жильем, на работе, а, когда там узнали, что она стала «сектанткой», то и вовсе собираются уволить). И рядом нет никого, кто бы помог, поддержал. И вдруг встретила людей, которые пригласили на собрание в свою общину, а там проявили внимание, участие. Я прежде всего переговорил с руководством предприятия и попросил, чтобы девушку оставили в покое и отказались от увольнения. Там меня поняли. Наше общение

закончилось тем, что она ушла из общины и вернулась в комсомол. Были потом и другие интересные встречи с молодыми верующими — и с удачными, и с неудачными результатами. Все эти встречи и беседы не только пробудили у меня нешуточный интерес к религии, но и дали понимание того, что подступать к таким проблемам можно, лишь хорошо познав предмет.

Вы спрашиваете, что было мотивом моей атеистической деятельности в тот период? Я загорелся «борьбой» с религией, от которой, как я представлял тогда, надо спасать людей, особенно молодежь, стал активным пропагандистом атеизма, выступал с лекциями. Мною двигало искреннее желание помочь человеку, вызволить его из «сетей религии», сделать социально активным, строителем коммунизма. Мы ведь все были воспитаны на определенных идеологических клише и сами их искренне тиражировали.

Сейчас, глядя сквозь призму накопленных за долгую жизнь опыта и знаний, я понимаю, что в те времена пропагандисты атеизма не только предлагали верующему иной, научный, взгляд на мир, природу и общество, но и порой весьма неделикатно лезли в душу, стремясь за человека решить, каким должно быть его мировоззрение. Но, чтобы дойти до этого понимания, мне и самому потребовались немалое время и труд осмысления, а в чем-то и переосмысления, всего этого дела.

Когда у Вас возник профессиональный интерес к религии как духовно-социальному явлению? Какова была исходная мотивация к ее серьезному изучению?

– Сама атеистическая работа заставляла пополнять свои знания, думать, думать и думать. Постепенно приходило осознание того, что в обществе, образовательный уровень которого постоянно растет, поверхностная критика религии, «кавалеристские наскоки», «попоедство» и «сектоедство» изживают себя. Появлялось желание понять верующего человека: чем религия привлекает его, какие потребности удовлетворяет. А это уже требовало не поверхностных впечатлений, а глубокого изучения проблемы с применением научных методов.

Постепенно привычные идеологические клише типа «религия — враг науки и прогресса», «религия — порождение невежества», «верующие — темные, необразованные люди», «жертвы пропаганды попов и сектантов» перестали меня удовлетворять. При встрече с реальными верующими я наталкивался на множество причин и проблем, в которых хотелось разобраться. Хотелось понять, почему религия так живуча, что поддерживает религиозность и способствует ее воспроизводству в новых поколениях советских людей, строящих коммунизм. А для этого надо было вырваться из текучки комсомольской и журналистской работы.

Эту возможность я получил, поступив в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Мой предшествующий опыт пропагандиста атеизма и собственные научные интересы совпали с идеей П.К. Курочкина организовать силами аспирантов под его руководством разработку комплексной темы «Особенности современного религиозного сознания» на основе социологического исследования. На мою долю выпала тема особенностей мировоззрения современного верующего. Как теоретическая подготовка в аспирантуре, так и работа над названной темой позволяли мне искать ответы на занимавшие меня вопросы.

Кого Вы считаете своими учителями, повлиявшими на Ваше профессиональное становление, на формирование как ученого?

– Первым я, пожалуй, назову моего отца, Александра Николаевича. Как я уже говорил, он сам был ученым. На его страсть к науке огромное влияние оказал пример его дяди, брата моего деда, Михаила Ивановича Лопаткина, осуществившего первый и пока единственный перевод на русский язык «Богословско-политического трактата» Б. Спинозы, который он издал в Казани в 1906 г.

Еще когда я был школьником, студентом, занимался комсомольской работой и журналистикой, отец постоянно исподволь направлял мое внимание в сторону занятий наукой. И когда я учился

Р.А. Лопаткин с отцом (слева) А.Н. Лопаткиным, 1963 г.

в аспирантуре и работал над кандидатской диссертацией, он был первым, очень строгим и придирчивым, читателем и критиком моих текстов и публикаций, требовал убедительной аргументации, безусловной научной добросовестности, уважительного отношения к трудам предшественников, даже подвергаемых критике. Он говорил: «Если бы этот автор не написал вот это спорное или неправильное утверждение, у тебя не было бы повода, дискутируя с ним, развить собственную мысль. Так что ты, так или иначе, встаешь ему на плечи, и будь благодарен ему за то, что он стимулировал твой научный поиск». Он следовал этим принципам сам и стремился привить мне непримиримое отношение к научной халтуре и пустословию, к любой нечестности, небрежности и некомпетентности в научных публикациях. Он не терпел голословных утверждений и всегда требовал подтверждения тезиса фактами, расчетами или логическими аргументами.

В моем становлении как религиоведа ключевую роль сыграл мой научный руководитель, тогда доцент, заместитель директора, а впоследствии директор, Института научного атеизма, доктор философских наук, профессор Павел Константинович Курочкин. Вечная ему память и благодарность! Во-первых, он определил направление моих, и не только моих, исследований, возложив на аспирантов Н.П. Андрианова, В.В. Павлюка и меня разработку, как я уже отмечал, принципиально новой тогда проблемы. В 1966 г. наша работа завершилась защитой кандидатских диссертаций и изданием коллективной монографии «Особенности современного религиозного сознания», из которой выросло потом целое направление исследований в отечественном религиоведении. Он построил нашу работу в формате проблемного семинара, на котором мы обсуждали методологические проблемы, методику исследований, главы наших диссертаций. Это было для нас настоящей научной школой. Во-вторых, он же, не будучи социологом, но предвидя большие эвристические возможности социологических методов в области исследований религии, предложил нам использовать для сбора материалов по нашим темам социологическое исследование в среде верующих. Вслед за А.И. Клибановым, Д.М. Угриновичем, вместе с М.К. Тепляковым (Воронеж), Р.Г. Балтановым (Казань), А.С. Онищенко (Киев) и некоторыми другими специалистами в регионах, где действовали опорные пункты Института научного атеизма, мы оказались у истоков зарождающейся отечественной социологии религии.

Ну и, наконец, сами методы работы Павла Константиновича с аспирантами: поощрение самостоятельного творческого поиска, требовательное и в то же время бережное отношение к представляемым ему текстам (грамматических ошибок, ляпов не прощал) четкое научное редактирование — все это формировало у нас навыки профессиональной научной работы. Очень важно и то, что в аспирантах он видел не школяров, а, пусть начинающих, но ученых, постоянно приглашая к размышлению над той или иной проблемой или дискуссии на равных.

Большую роль в моем становлении как научного работника сыграл и основатель нашего института, его первый директор, доктор философских наук, профессор Александр Федорович Окулов, мудрый человек с богатым жизненным опытом. Правда, сейчас я подсчитал, что при основании института ему было всего 56 лет, но мы, молодые сотрудники и аспиранты, которые были моложе его кто на двадцать, а кто и на тридцать лет, воспринимали его как патриарха. Своим примером он учил демократии в науке, он терпимо, с пониманием относился к различным позициям, мнениям, даже резким высказываниям членов нашего коллектива, стремился добиваться консенсуса в конфликтных ситуациях.

Интересны и поучительны были совместные с ним командировки. Будучи из крестьянской семьи, начав трудовую деятельность лесорубом в вятской тайге, А.Ф. Окулов всегда интересовался жизнью и мнениями простых людей. Каждый день видел, как

Директора ИНА АОН при ЦК КПСС
(*слева направо*) П.К. Курочкин (1978–1981),
А.Ф. Окулов (1964–1978), В.И. Гараджа (1981–1990)

он разговаривает то с какой-нибудь старушкой, то с рабочим, водителем такси, со священником или студентом. Он так умел расположить к себе, что незнакомые люди, впервые встретившись с ним, чувствовали себя непринужденно и откровенно делились с ним своими мыслями. У него было несколько любимых изречений, которые он повторял, обращаясь к коллегам, особенно молодым ученым, аспирантам, к партийным работникам и пропагандистам научного атеизма. Подняв указательный палец, он задавал риторический вопрос и сам же отвечал на него: «Вы думаете, религия там, на небе? Нет, она здесь, по земле ходит, здесь ее и надо изучать!». Он не терпел небрежности в изложении диссертантом своих мыслей, в литературном качестве текстов, призывал и аспирантов, и их научных руководителей поработать над текстом «не топором, а гравиальной иглой».

К моим учителям в науке я также отношу выдающихся отечественных религиоведов Александра Ильича Клибанова и Дмитрия Модестовича Угриновича. Их лекции, чтение их трудов, личное общение, в том числе дискуссии по разным проблемам, порой весьма острые, — все это послужило для меня хорошей школой в науке, и я с неизменной благодарностью вспоминаю их.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. вместе с крушением советской государственно-политической системы утратила господствующие позиции и официальная коммунистическая идеология, а вместе с нею и «научный атеизм». Как Вы пережили эту смену мировоззренческой парадигмы?

– Здесь прежде всего нужно сказать о смене мировоззренческой парадигмы социума, или в социуме, а потом уже о личных исканиях, потерях и находках. Это в начале 90-х гг. стремительная смена общественно-политического устройства страны и сопровождавшая ее дискредитация марксистско-ленинской идеологии в СМИ, в публицистике, в страстных речах политиков новой волны, а также полная сумятица идей в массовом сознании представлялись внезапным крахам привычного мира и социалистической системы ценностей. На самом деле эта смена как общественно-политической, так и идеологической парадигмы вызревала долго, исподволь, наверное, еще с 60–70-х гг. Просто этот процесс был скрыт от общественного сознания завесой из идеологических клише.

Пример такого клише в сфере наших научных занятий — широко тиражировавшийся тезис о нашем социалистическом обществе как обществе «массового атеизма». На деле же партийными идеологами желаемое выдавалось за действительное. Создавая в 1964 г. в структуре АОН при ЦК КПСС Институт научного атеизма, они, видимо, хотели получить от ученых авторитетное подтверждение этого тезиса, а также научно обоснованные методики скорейшего изживания религии в нашем обществе. Ведь Никита Сергеевич Хрущев спешил: он обещал в 1980 г. показать по телевидению «последнего попа».

Но в институте были собраны серьезные ученые-религиоведы, которые изучали реальную действительность и стремились дать политическому руководству страны объективную картину. Уже вскоре после создания института его сотрудники в своих записках и публикациях, в выступлениях перед партийно-идеологическим активом и пропагандистами атеизма призывали отказаться от вульгарного объяснения причин существования и воспроизводства религии в нашем обществе пропагандой духовенства и сектантов, влиянием буржуазной идеологии из-за рубежа и направить внимание на изучение социальных причин этого процесса, тех реальных потребностей, удовлетворения которых часть населения ищет и находит в религии. Мы призывали перестать относиться к верующим как «людям второго сорта».

Эти тезисы не всегда находили, а часто и вовсе не находили, понимания у наших кураторов в Идеологическом отделе ЦК. Проведя в 1967–1968 гг. масштабное социологическое исследование в Пензенской области, мы получили и опубликовали поистине отрезвляющие данные: религиозная часть населения (верующие и колеблющиеся вместе взятые) составила более 28%, убежденные атеисты — 11%, неверующие — 46%, индифферентные к религии и атеизму (т.е. в принципе тоже нерелигиозные люди) — около 15%. В 70–80-х гг. эти цифры мало менялись. В сельских районах религиозность была еще выше — 35–40%, в регионах традиционного распространения ислама — 50–60%. Эти цифры свидетельствовали, что, во-первых, пропагандистское клише, утверждавшее, что религия в нашей стране «на ладан дышит» и вот-вот исчезнет, надо только поднажать, не соответствовало действительности. Во-вторых, наше общество не было обществом «массового атеизма», а было скорее обществом массовой нерелигиозности. Согласитесь, что поворот значительной части такого общества при дискредитации привычной социалистической

системы ценностей к традиционной религиозной системе ценностей, происшедший в 90-х гг., вполне объясним. Новая мировоззренческая парадигма вызревала в старом обществе.

Возьмем другой вопрос — о судьбах атеизма, в том числе научного атеизма, как понятия, так и явления. В постсоветский период в нашей стране атеизм оказался затоптанным и заплеванным в СМИ, дискредитированным в общественном сознании. И во многом поделом, потому что в советское время эта форма мировоззрения оказалась слишком связанной с партией и властью («государственный атеизм»), слишком часто использовалась этой властью и партийной пропагандой для оправдания неправедной политики гонений на верующих и духовенство. Ну, что ж, если ты атеист, тебе сегодня это надо осознать и потерпеть, даже покаяться, за участие твоих предшественников или твое личное в этой политике. Но вышесказанное не затрагивает саму суть атеизма как структурного компонента материалистического мировоззрения.

Возьмем научный атеизм как научную дисциплину, как учебный предмет и соотнесем его с религиоведением. Сейчас совершенно ясно, что в конце 50-х гг. эта дисциплина была сконструирована партийно-идеологическим руководством искусственно, с четкими идеологическими целями «борьбы с религией». Почему не назвали «религиоведением»? Да потому, что в контексте идеологической борьбы с империализмом и Западом название «религиоведение», как и социология, генетика и т.п., употреблялось не иначе как с эпитетом «буржуазное», значит, чуждое коммунистической идеологии.

Но возьмите стандарт и учебники по предмету «Основы научного атеизма», возьмите планы научной работы и труды Института научного атеизма или кафедры истории и теории атеизма МГУ (так она тогда называлась), и Вы увидите, что помимо некоторого идеологического антуража, это самое что ни на есть религиоведение.

Вопрос о соотношении научного атеизма и религиоведения, о структуре науки, которой мы занимаемся, в 60–70-х гг. довольно остро обсуждался в среде специалистов. Было две позиции. Одну, от имени Института научного атеизма, представлял П.К. Курочкин: дисциплина должна называться «научный атеизм», она включает в себя историю и теорию атеизма, религиоведение, т.е. изучение религии, и теорию и практику атеистического воспитания. Другая точка зрения была представлена профессором МГУ Д.М. Угриновичем. Он настаивал на том, что дисциплина должна называться, как во всем мире, религиоведением и включать в себя философию, историю, социологию, психологию религии и теорию научного атеизма. Естественно, название осталось то, которое предписал ЦК. Но мы-то, по крайней мере большинство специалистов научного атеизма, прекрасно понимали, что занимаемся именно религиоведением. Уже в 80-х гг., особенно с началом «перестройки», у нас в коллективе неоднократно поднимался вопрос о переименовании в Институт религиоведения, но тогдашнее руководство ИНА и АОН не решилось на этот шаг, видимо, понимая, что эта идея вряд ли получит одобрение в ЦК. Мы сумели добиться этого только в 1990 или начале 1991 г., когда директором института стал Э.Г. Филимонов. Это тоже к вопросу о смене мировоззренческой парадигмы в обществе. Но нам тогда так и не удалось сохранить наш уникальный научный коллектив религиоведов. Большевики от религии типа Глеба Якунина и Вячеслава Полосина, используя доставшиеся им властные полномочия, добились его ликвидации. Я считаю, что это была большая потеря для нашей науки.

При смене мировоззренческой парадигмы в нашем обществе большую роль сыграла нерасчлененность в общественном сознании научного атеизма — как научной и учебной дисциплины, как формы идеологической деятельности и как стороны мировоззрения. В наступивший переломный момент нашего общественного развития большинство людей, по крайней мере задумывавшихся об этом, воспринимали научный атеизм как идеологический инструмент репрессивной политики партии и государства в отношении религиозных организаций и верующих, перенося зачастую эту оценку и на людей, следующих материалистическому мировоззрению. Сумятица и раздрай наступили и в умах многих религиоведов, специалистов по научному атеизму. Те, кто видел в этом своем профессиональном занятии только способ зарабатывания денег, просто переключились на преподавание других предметов или вообще на другую сферу деятельности. Кто-то, пережив мучительные раздумья, разочаровался в атеизме и обратился к религии. Я не сужу этих людей, это их выбор, который я должен уважать. Кто-то начал кричать, что он-де всегда

был верующим, и проклинать атеизм, но при этом не отказался от благ, которые приносил ему диплом кандидата или доктора наук за диссертацию по «научному атеизму». Как говорится, Бог им судья.

Меня огорчает, что некоторые уважаемые мною и авторитетные ученые в начале 90-х гг., видимо, поддавшись общественным настроениям, а, может быть, из чувства вины за участие в реализации идеологической функции «научного атеизма» советских времен (а тут мы все грешны), дезавуировали само понятие «научный атеизм» именно за определение «научный». Я с такой позицией не согласен, думаю, что они поспешили. Дело в том, что атеизм — это ментальная позиция, противоположная религиозному взгляду на мир. Он может быть стихийным, не затрагивающим глубин сознания. Может быть простым психологическим неприятием тех проявлений религии, с которыми человек сталкивается в конкретной жизненной ситуации. Атеизм может быть поверхностным, не требующим серьезной аргументации («Бога нет — медицинский факт»). Может быть вульгарным, довольствующимся зубоскальством по адресу религии, Церкви и духовенства. Но есть атеизм глубоко осознанный, выстраданный, опирающийся на прочный научный фундамент, составляющий сторону, или компонент, научного материалистического мировоззрения. Почему же отказывать ему в именовании научным атеизмом? Я за такую позицию в споре о терминах. Это понятие я употребляю без кавычек.

Другое дело, правомерно ли существование такой научной дисциплины, как *научный атеизм*, отдельно от религиоведения или поглощающей его, нужна ли она? Я уже отметил, что как дисциплина «научный атеизм» был сконструирован искусственно в идеологических целях, как раз в противовес «буржуазному религиоведению». Он, конечно, не нужен, поскольку весь спектр поблеем изучения религии, в том числе исторические формы противостояния религии и атеизма, вполне охватываются религиоведением. Собственно атеизм как система взглядов, как явление общественной мысли и массового сознания, как сторона, или компонент, мировоззрения исследуется философией и, в частности, историей философии.

Нужен ли особый вузовский предмет «Основы научного атеизма»? По-моему, тоже не нужен, хотя надо признать, что именно благодаря преподаванию такого предмета в советских вузах, помимо идеологической «зарядки», студенты получали и реальные научные знания о религии. Подчеркну: в вузах, особенно гуманитарных, необходим курс религиоведения. А вот в курсе религиоведения вполне уместен и даже необходим раздел по истории свободомыслия и атеизма. Атеистические интенции, содержание и роль свободомыслия на разных этапах истории были неоднозначны, но они, как правило, подобно оводу у Сократа, не давали коснеть общественной мысли, будили ее и тем способствовали прогрессу общества, науки, культуры.

К сожалению, сейчас преподавание религиоведения не только не получает должной поддержки и развития, но и постепенно сокращается. Более того, все явственнее проявляется тенденция вытеснить его из вузовских программ и подменить теологией под предлогом, что религиоведение — это будто бы перекрасившийся научный атеизм.

Вопрос о смене мировоззренческой парадигмы в нашем обществе требует уточнения. Что имеется в виду? То, что исчезло «общество массового атеизма»? Так его, как я уже показал, не было вообще — было общество массовой нерелигиозности. Так что — оно стало «обществом массовой религиозности»? Давайте посмотрим. Если судить по данным социологических опросов, то за прошедшие двадцать лет, т.е. в постсоветской России, число людей, идентифицирующих себя в качестве верующих, постоянно росло и сейчас составляет, по данным разных исследований, 60–70% опрошенных. По конфессиональной самоидентификации цифры еще больше. Но все ли участвовавшие в опросе, действительно, религиозны? Вспоминается рассказ, еще советских времен, Василия Рослякова «У дяди Тимохи». Писатель через тридцать лет приехал в родное село, пришел в гости к тетке и, увидев у нее в доме иконы, удивился: «Как же так, ведь ты, помню, была комсомолкой, неверующей?» И та ответила: «Э-э-э, Вася, тогда мода была быть неверующими». Не та ли самая мода и теперь — только быть верующими (плюс демонизация в СМИ атеизма) — определяет эти высокие показатели религиозности при опросах общественного мнения?

Считать показателем смены мировоззренческой парадигмы обвальную волну критики атеизма в 90-х гг.? Но от кого она исходила? От части верующих и духовенства, действительно пострадавших от политики государственного атеизма? Наверное, да, и была справедлива. Из клерикальных кругов,

стремившихся взять реванш и расчистить поле для беспрепятственной клерикализации общества и отдельных его сфер, прежде всего образования? Тоже, да. От части интеллигенции, стремившейся таким образом «очиститься» от коммунистической идеологии? Наверное, тоже да. От трибунных политиков, депутатов и т.п., искавших в религии поддержку легитимности своих позиций. И, наконец, от неофитов, которые всегда и везде неуемно радикальны в отрицании собственного недавнего прошлого.

Уверен, что основную массу населения эта волна не затронула. В одном из исследований мы задавали вопрос об отношении респондентов к атеистам, людям неверующим и получили только около 5% негативных ответов. Что касается политиков, деятелей различных партий, депутатов, еще недавно почти поголовно бывших атеистами, а теперь так же почти поголовно позиционирующих себя как верующих, то о них нечего и говорить: изменится хоть немного общественная атмосфера — они снова дружно объявят себя атеистами. Не по их речам надо судить о мировоззренческой парадигме в обществе.

Считать ли изменением мировоззренческой парадигмы так называемое религиозное возрождение России? А что такое религиозное возрождение? Как социолог я наблюдаю восстановление и укрепление институциональных структур традиционных российских конфессий и появление новых; рост уровня религиозности населения, хотя относительный характер его я уже отметил; заполнение светских, в том числе официальных государственных, СМИ религиозной информацией; изменение отношения власти и значительной части общества к религии и Церкви (по самым разным мотивам). Привело ли это к нравственному очищению и обновлению нашего общества? Пока не вижу. Пожалуй, наоборот: оно все глубже опускается в болото коррупции, преступности, наркомании, национальных и религиозных распрей. Может быть, ожидания общества были не по адресу, и дело вовсе не в религии? Надо думать и исследовать.

Кроме того, возрождение всегда предполагает возвращение к чему-то уже бывшему, воображаемому эталонным. К чему? К довладимирову язычеству? К допетровской Руси? К дореволюционной империи с ее государственной религией? Но это невозможно. Историю нельзя повернуть вспять, как бы этого кому-то ни хотелось. Нельзя двигаться вперед с повернутой назад головой. Россия не должна пятиться, это бесперспективно. Россия должна двигаться вперед, развиваться, подниматься во всех смыслах. Вот почему термину «возрождение России» я предпочитаю термин «возвышение России». И пусть каждый общественный субъект, последователи разных мировоззрений внесут свой вклад в это святое дело. Сделают это религия, религиозные организации различных конфессий, их приверженцы — замечательно! Общество им будет только благодарно. Но при этом не надо толкаться локтями и кричать на других делателей добра, как в Одессе: «Вас здесь не стояло!».

А вот теперь я обращусь непосредственно к Вашему вопросу о том, как я лично пережил смену общественной мировоззренческой парадигмы, насколько она затронула меня, как это повлияло на меня.

Ни вал критики, обрушившийся на «научный атеизм», ни быстрое превращение общества массовой нерелигиозности в общество такой же массовой и такой же неглубокой религиозности, которую я называю ситуативной, меня не потрясли. Это вещи понятные и научно объяснимые.

А по-настоящему потрясло меня опубликованное в 1990 г. в «Известиях ЦК КПСС» письмо В.И. Ленина к членам Политбюро о событиях в Шуе от 19 марта 1922 г., где он предлагал расстрелять как можно больше представителей духовенства, городского мещанства и буржуазии, сопротивлявшихся проведению в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей для борьбы с голодом, «чтобы запомнили на многие десятилетия». Я не верил своим глазам, не представлял себе, что такое возможно, пытался понять и объяснить себе этот факт. Ведь еще недавно Ленин писал о необходимости уважения к искренним убеждениям людей в делах веры. Ведь гражданская война с ее объяснимой жестокостью обеих сторон уже закончилась. Что же случилось? Может быть, причина в том, что Ленин уже был тяжело болен, у него быстро прогрессирующая болезнь мозга, и он уже фактически был изолирован от реальной действительности в Горках? Но ведь все члены Политбюро одобрили эту записку, и предложенные репрессивные меры были проведены жизнь.

Я задумался: может быть, здесь берет начало та политика бескомпромиссной борьбы с религией

и ее последователями, которая проходит с разной степенью жестокости и в разных формах — как идеологических, так и репрессивных, — фактически через весь советский период истории нашего Отечества?

В общем, вихри мыслей крутились в голове и требовали упорядочения и ответа. И тогда мне вспомнился много раз прочитанный и перечитанный, многажды цитированный в атеистических публикациях разных авторов «Анти-Дюринг» Фридриха Энгельса, его же «Эмигрантская литература», где он критикует Е. Дюринга и бланкистов за намерение запретить религию и объявить атеизм единственным символом веры, говорит о том, что преследования — лучший способ укрепить нежелательные убеждения. Вспоминаю, что читал об этом и у Ленина. Открываю статью «Об отношении рабочей партии к религии» и нахожу, что он там ссылается именно на эти места у Энгельса. По-своему излагая мысли Ф. Энгельса, он пишет о глупости «шумливого объявления войны религии». Как же так получилось, что, изучая труды Маркса и Энгельса и того же «правильного» Ленина и клянясь в своей верности марксизму-ленинизму, наши партийные идеологи поступали как раз наоборот, ведя десятилетиями — именно по Дюрингу — шумливую войну с религией, пристегивая к этому неправедному делу в качестве подпорки «научный атеизм».

Скажу, честно, я еще не до конца во всем разобрался, но это открытие уже заставило многое переосмыслить. Во-первых, идеологией ВКП(б) — КПСС, проводимой в жизнь, был не марксизм, а дюрингианство — вульгарная мелкобуржуазная доктрина. Во-вторых, общественный строй, который мы построили в нашей стране и предлагали как образец другим странам и народам, «трудящимся всего мира», не был социализмом в Марксовом понимании, а был вульгарной, а потому непрочной, конструкцией на основе синтеза идей г-на Дюринга, давно развенчанных Энгельсом, и государственного капитализма. И, в-третьих, серьезной ошибкой Коммунистической партии и советского государства была вся построенная фактически на идеях Дюринга политика в религиозном вопросе, за исключением, быть может, ее просветительского компонента.

Я сделал для себя вывод, что свобода совести — ценность абсолютная, что не надо пытаться лишать человека его убеждений, его веры. Это его выбор. Если он захочет их изменить, то сделает это сам, опять-таки по своей свободной воле. Если он захочет со мной обсуждать эти вопросы или спросит о моем их понимании, я готов и его выслушать, и о своих аргументах рассказать, и подискутировать. Но при этом нужно толерантно и с пониманием относиться к другому мнению или убеждению. Я готов защищать верующего, последователя любой религии, когда к нему относятся несправедливо. Я готов также отстаивать и право человека быть атеистом. У меня сложились добрые отношения с руководителями и священнослужителями разных конфессий. Среди моих аспирантов, соискателей и студентов есть и православные, и мусульмане, и протестанты, и атеисты. Мне с ними очень интересно общаться, кажется, и им со мной.

У Вас большой опыт научного руководства и воспитания молодых ученых. Какими принципами Вы руководствуетесь в работе с ними?

– Я уже говорил, что в аспирантуре у меня был прекрасный научный руководитель — Павел Константинович Курочкин. Его методику работы с аспирантами я всегда считал образцом, которому и стараюсь следовать в своей работе с научной молодежью. В частности, я сторонник выбора для группы аспирантов комплексной темы и работы с ними по методу проблемного семинара с участием всех их научных руководителей и с изданием по итогам исследования коллективного труда. Когда это зависело от меня, я всегда старался так делать.

При выборе темы диссертационного исследования или выпускной квалификационной работы нередко предлагаю принять участие или продолжить разработку проблемы, которой занят сам. Вместе работать интереснее и поучительнее для молодого исследователя. Не люблю избитых, изжеванных тем, стараюсь в каждую заложить «изюминку», которой эта работа отличалась бы от других, обеспечивала бы пусть небольшой, но все-таки пророст новых знаний. Приветствую выполнение работ на базе социологического исследования. С первых дней совместной работы даю рекомендации по основной библиографии, по методам поиска и сохранения информации по теме. Излагаю свои жесткие требования относительно научной добросовестности. К последнему отношусь очень принципиально.

С аспирантами и соискателями у меня, как правило, складываются добрые отношения, которые сохраняются на долгие годы. Вообще, шутя гово-

Р.А. Лопаткин среди коллег в аудитории РАГС

рю, что мое хобби — давать людям старт в жизни. Из числа моих 23-х аспирантов и соискателей, защитивших под моим руководством кандидатские диссертации, трое стали докторами философских наук, иные стали преподавателями вузов и научными работниками, иные сделали успешную карьеру на государственной службе. Я горжусь своими учениками и вижу в них свое продолжение.

Какие проблемы Вы считаете наиболее актуальными в современном религиоведении? Как Вы видите перспективы его дальнейшего развития в России?

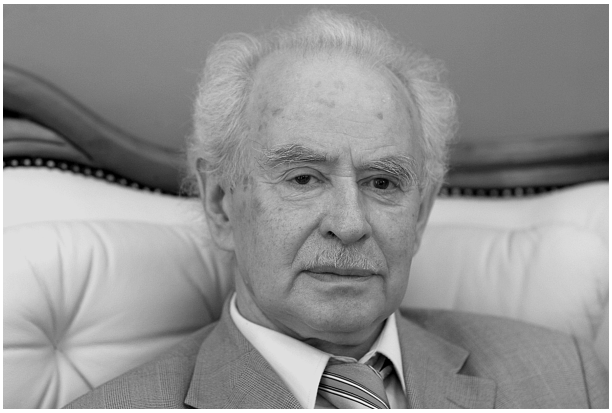
– В свое время я высказал мнение по ряду этих проблем в статье «О необходимости саморефлексии российского религиоведения», поэтому не буду повторяться, тем более что проблемы, о которых говорилось тогда, остаются, на мой взгляд, актуальными и сегодня.

В частности, речь шла о необходимости исследования и написания истории отечественного религиоведения. С удовлетворением отмечу, что этой темой серьезно занялся профессор кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского университета, доктор социологических наук М.Ю. Смирнов. У него уже есть несколько публикаций на эти темы, и я желаю ему успехов в этом благодарном деле.

В связи с этим хотел бы добавить, что неплохо бы написать и историю творческого коллектива религиоведов Института научного атеизма. Годы бегут, люди уходят, все меньше остается живых свидетелей событий того времени. Архивы, конечно, сохранились, но они не могут передать всю полноту творческой жизни коллектива, остроту борений и страстей, жарких дискуссий, атмосферу, в которой мы жили.

Из других проблем, которые меня волнуют, я хотел бы с сожалением отметить разобщенность отечественных религиоведов. У нас в стране есть небольшое число научных центров, в которых работают высококвалифицированные специалисты-религиоведы. Это кафедры философии религии и религиоведения Московского и Санкт-Петербургского университетов, наша кафедра. Пожалуй, можно прибавить Центр изучения религий РГГУ и исследовательский центр «Религия в современном обществе», созданный М.П. Мчедловым, в Институте социологии РАН. Есть хорошие специалисты в ряде других вузов страны. Но все они работают как бы сами по себе, без должной координации усилий, без совместных проектов и регулярного обмена информацией.

Есть хороший, крепкий журнал «Религиоведение», но он малотиражен и издается далеко от центра, в Благовещенске; это не позволяет его редакции выполнить функцию организации регулярного общения религиоведов, хотя его позитивная роль как трибуны теоретической мысли несомненна. Набирает силу и наш журнал «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом». Может быть, со временем он станет центром притяжения для специалистов и будет способствовать структуризации религиоведческого сообщества. Есть еще Российское общество исследователей религии, которое ежегодно проводит интересные научно-практические конференции. Но у него другие задачи, оно не берет на себя функцию координации исследовательской деятельности в нашей научной области. Все это, на мой взгляд,

сдерживает динамичное развитие отечественного религиоведения, поднятие его теоретико-методологического уровня.

И, наконец, еще одна проблема, с которой в ближайшее время столкнутся, фактически уже сталкиваются, российские религиоведы. Это необходимость выстраивания профессиональных отношений и проведение «демаркационной линии» с теологией, которая уже обрела статус вузовского учебного предмета и вот-вот будет официально признана научной дисциплиной. Можно с этим не соглашаться (я лично отношусь к этому факту критически), но решение Минобрнауки России принято и надо его исполнять. Речь должна идти о четком разграничении предметного содержания названных дисциплин. Затем неизбежно встанет вопрос о диалоге религиоведов и теологов, коль скоро они оказались в одних вузах, а местами и на одних кафедрах.

В целом я с оптимизмом смотрю на отечественное религиоведение. Радуют приток новых молодых кадров, рост интереса к нашей проблематике у студентов и аспирантов. Значит, у религиоведения в России есть хорошее будущее.

© Лопаткин Р.А., 2010

© Зуев Ю.П., Кравчук В.В., Пинкевич В.К., собеседование, подготовка к печати, 2010